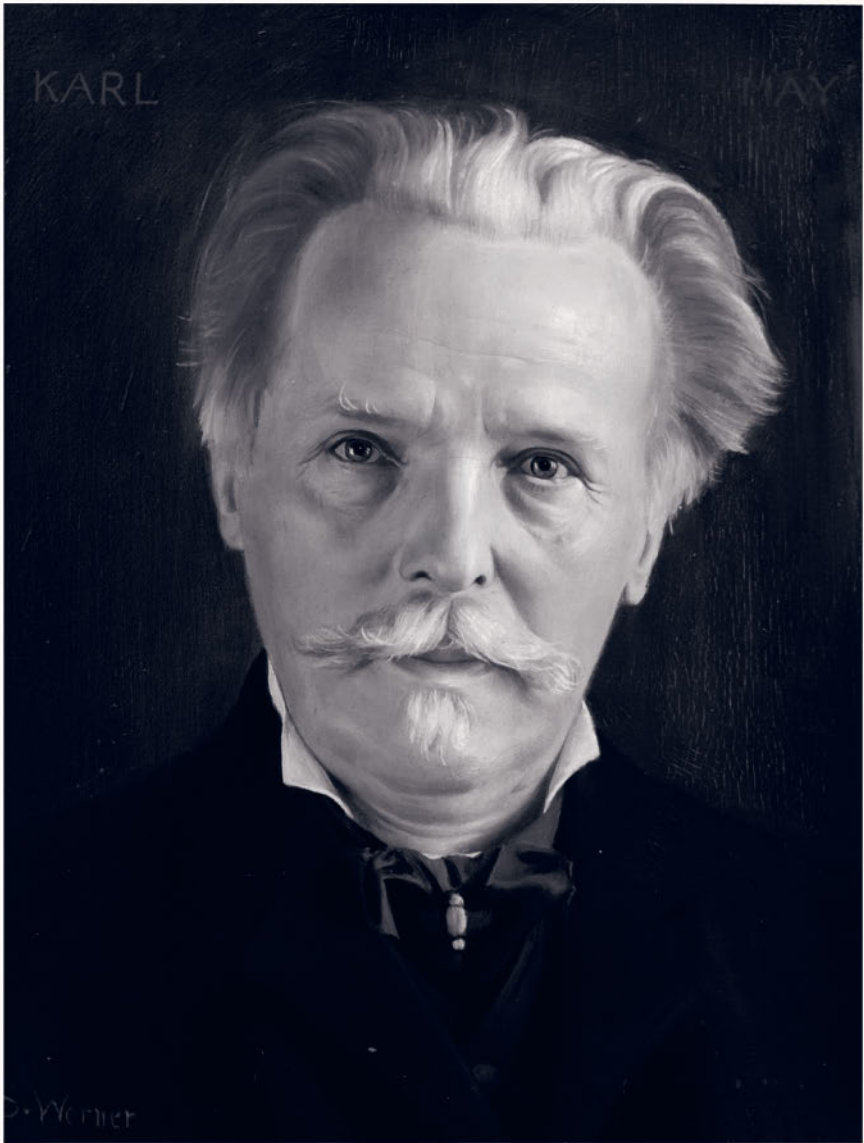

ҚАРА МАЙ

КАРА МАЙ

ВИНЕТУ. ДРУГ ИНДЕЙЦЕВ

ИЛЛЮСТРАЦИИ
ЗДЕНЕКА БУРИАНА

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44
М 14

Illustrations © Zdeněk Burian

Перевод с немецкого Михаила Курушина

Иллюстрации Зденека Буриана

Оформление обложки Татьяны Павловой

ISBN 978-5-389-20058-6

© М. Ю. Курушин, перевод, 2001
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

Глава первая В РОЛИ ДЕТЕКТИВА

Как только вышел в свет первый том моего повествования, многие читатели попросили меня продолжить увлекшую их историю. Я внял просьбе, однако продолжение получилось иное, нежели я думал тогда.

После долгой, поистине парфорсной¹ скачки мы добрались наконец до устья Рио-Боско-де-Начиточес, где надеялись встретить посланца, оставленного Виннету. Но увы, наши надежды не сбылись. Следы мы все же обнаружили. Но какие! То были бездыханные тела торговцев! Тех самых, с которыми мы расстались несколькими днями раньше и от которых получили важные сведения о стойбище кайова во главе с вождем Тангуа. Позже я узнал от Виннету, что прикончил торговцев все тот же Сантер.

Последний сумел быстро проплыть вниз по течению и прибыл к устью Рио-Боско одновременно с торговцами, хотя те и покинули селение кайова намного раньше. Так и не добравшись до золотых наггитов Виннету, Сантер, оставшийся без гроша, не мог пропустить обоз с богатым грузом. Скорее всего, он подстрелил ничего не подозревающих торговцев из засады, забрал их товары и испарился вместе с мулами. Все это прочитал по следам Виннету, когда прибыл на место нашей так и не состоявшейся встречи.

Убийца выбрал не самый легкий путь: провести по саванне столько тяжело навьюченных животных в одиночку — де-

¹ *Парфорсный* — связанный с преодолением лошадей препятствий, исполнением сложных заданий в конном спорте. — *Здесь и далее примеч. перев.*

ло непростое. К тому же он должен был очень торопиться, зная, что безжалостные преследователи неотступно следуют за ним по пятам.

К несчастью, в это время зарядили проливные дожди, смывшие все следы, и Виннету пришлось действовать, больше полагаясь не на собственные глаза, а на чутье и догадки. Вероятнее всего, Сантер первым делом стремился поскорее сбуть с рук добычу, поэтому вождь апачей решил проверить по очереди все близлежащие поселки бледнолицых.

Только через несколько дней Виннету действительно обнаружил утерянный след в фактории¹ Гатера. Сантер побывал там, распродал всю поклажу и, купив хорошую лошадь, налегке отправился на восток вдоль берега Ред-Ривер. Виннету приказал всем воинам возвращаться домой, а сам продолжил преследование один. Золотых самородков у него было достаточно, чтобы не нуждаться ни в чем во время длительного пребывания на Востоке.

В тот момент мы, разумеется, не знали, где искать Виннету, — у Начиточес он не оставил нам ни послания, ни знака, по которому можно было определить, куда он уехал. Мы взяли направление на Арканзас, чтобы кратчайшим путем добраться до Сент-Луиса. Я ужасно сожалел, что в ближайшее время не смогу повидаться с другом и братом, но изменить что-либо было не в моих силах.

В один из вечеров, после долгой поездки, мы наконец прибыли в Сент-Луис. Конечно же, первым делом я отправился к моему старому знакомому мистеру Генри. Когда я вошел в его мастерскую, он, как обычно, при свете лампы колдовал у токарного станка и не обратил внимания на скрип открывшейся двери.

— Добрый вечер, мистер Генри, — поздоровался я, словно виделся с ним последний раз накануне вечером. — Ну как, готов ваш новый штуцер?

¹ *Фактория* — торговая контора и поселение купцов в колониях.

Сказав это, я плюхнулся на скамейку, на то самое место, где всегда сидел в прежние времена. Мастер вскочил на ноги, несколько секунд глядел на меня совершенно непонимающим взором, после чего радостно воскликнул:

— Что? Это вы... вы... неужели это вы? Здесь, у меня? Домашний учитель... геодезист... и, черт возьми, Олд Шеттерхэнд!

Тут Генри по-отцовски сжал меня в объятиях.

— Олд Шеттерхэнд? Откуда вам известно это прозвище? — спросил я, когда старик освободил меня из своих объятий.

— Откуда?! Да все только о вас и говорят. Вы теперь знаменитый вестмен!¹ Мистер Уайт, инженер с соседнего с вами участка, первым сообщил нам эту весть. Должен сказать, он не жалел лестных слов. А короновал вас сам Виннету...

— Что?

— Он сам мне все рассказал — все!

— Как? Разве Виннету был здесь? Когда?

— Три дня назад. Вы, похоже, столько наплели обо мне и старом «медведебое», что он не мог не заглянуть сюда. От него я узнал, как вы стали вестменом, как охотились на бизонов, прикончили гризли... и тому подобное. Я даже знаю, что вы удостоились чести стать вождем апачей!

Хвалебные речи лились еще некоторое время, и мне не сразу удалось прервать этот бесконечный поток похвал. Чувствовалось, что старик невероятно горд тем, что именно он в свое время резко изменил мою судьбу, отправив меня на Дикий Запад.

Я узнал, что Виннету продолжал идти по следу Сантера, ведущему из Сент-Луиса в Новый Орлеан. Вождь не стал дожидаться меня в Сент-Луисе, а оставил для меня у мистера Генри записку, в которой просил, чтобы я, если позволят обстоятельства, постарался приехать к нему в Новый Орлеан.

¹ *Вестмен* (англ. westman) — «человек Запада», смелый, находчивый, хорошо знакомый с обычаями и нравами Дикого Запада, одним словом — предприимчивый американец.

Разумеется, я решил немедленно отправиться в путь. Естественно, прежде мне надо было завершить мои «геодезические» дела. Ими я и занялся на следующий день.

Рано утром Сэм Хокенс, Дик Стоун, Уилл Паркер и я уже сидели в конторе за стеклянной дверью, где в свое время меня без моего ведома пытались испытать. Мой старик мистер Генри не смог удержаться и пошел с нами. После всех наших рассказов, объяснений и отчетов мы узнали, что наш участок считался самым опасным. По крайней мере, теперь мне благоволили сообщить, что я — первый уцелевший из всех геодезистов, когда-либо работавших на нем.

Как ни старался Сэм выхлопотать для меня особое дополнительное вознаграждение, все было тщетно. Нам без проводочек выплатили причитающуюся по договору сумму, но ни доллара больше. Признаюсь откровенно, что с таким трудом и риском для жизни составленные и сохраненные чертежи я отдавал с чувством гнева и досады. Господа из конторы приняли на работу пятерых геодезистов, а расплачивались только с одним, при этом о доле остальных никто и не заикнулся, хотя они получили все результаты наших совместных трудов, точнее, плоды моих невероятных усилий.

Сэм в итоге не выдержал, наговорив этим господам в накрахмаленных рубашках кучу грубостей. Однако действия это не возымело, вернее, привело лишь к тому, что ему вместе с Уиллом и Диком указали на дверь. Я, конечно, последовал за ними и, как говорится, окончательно «стряхнул прах с ног своих»¹. Впрочем, мне-то как раз заплатили, и неплохо. Теперь моим долгом было ехать в Новый Орлеан следом за Виннету, который оставил мистеру Генри адрес какого-то отеля или ночлежного дома. Но Сэм и его друзья торопиться не хотели, они решили передохнуть и развлечься в Сент-Луисе, и вряд ли

¹ Выражение используется в значении «порвать с кем-нибудь». Выражение восходит к словам Иисуса из Евангелия от Матфея: «А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших...» (Мф. 10: 14).

я мог упрекнуть их за это. Недолго думая, я приобрел в городе новую одежду взамен прежней, индейской. Одевшись с иглочки, я пароходом отплыл на Юг. Багажом обременять мне себя не хотелось, поэтому многие вещи, прежде всего тяжелый «медведебой», я оставил на хранение мистеру Генри. Моего чалого я тоже оставил у него, ибо в этот раз конь мне был не нужен. В общем, никто не сомневался, что мое отсутствие будет недолгим.

Но судьба распорядилась иначе. Прежде я не упоминал об одном важном событии, но только лишь потому, что оно не оказывало непосредственного влияния на переживаемые мной злоключения. Однако теперь я не могу не сообщить читателю о том, что именно в описываемое время в Соединенных Штатах Америки был самый разгар Гражданской войны¹. Судходство на Миссисипи не было под запретом, поскольку адмирал Фаррагут² одержал очередную победу над южанами и присоединил к северным штатам всю территорию вдоль реки. Но пароход, на борту которого я находился, безнадежно опаздывал из-за неукоснительного соблюдения всех формальностей и предписаний, а также жизненно важных мер безопасности. Потому я не удивился, когда, оказавшись в Новом Орлеане и в указанном мне отеле, напоминавшем ночлежный дом, справившись о Виннету, услышал в ответ, что вождь уехал буквально накануне. Портье передал мне письмо, в котором апач сообщал, что едет за Сантером в Висксберг. Виннету просил меня отказаться от попыток нагнать его, поскольку дальнейший маршрут мог оказаться непредсказуемым. Вождь обещал, что на обратном пути зайдет в Сент-Луисе к мистеру Генри и оставит ему сведения о своем местонахождении.

¹ *Гражданская война в США (1861–1865)* — война между промышленными северными штатами и рабовладельческим Югом (Конфедерацией). В результате войны северяне одержали победу, одним из главных завоеваний которой явилась отмена рабства.

² *Фаррагут Дэвид Глазго (1801–1870)* — американский морской офицер, герой Гражданской войны.

Что мне было делать? Конечно, я жаждал встретиться с Виннету, но не менее горячо подумывал и о том, чтобы теперь, когда у меня завелись деньги, воспользоваться случаем и съездить на родину, чтобы навестить родных, давно нуждавшихся в моей помощи и поддержке. Стоило ли мне ехать обратно в Сент-Луис? Ведь Виннету едва ли удастся скоро туда вернуться. В итоге я решил справиться об отплывающих в Европу судах. На мое счастье, как мне тогда казалось, я узнал об одном янки, который, пользуясь некоторым затишьем в боевых действиях, в ближайшие дни собирался отправить свой пароход прямым курсом на Кубу. С Кубы я мог бы добраться если не до Германии, то для начала хотя бы до Нью-Йорка. Рассудив именно так, я без особых колебаний ступил на палубу.

Конечно, мне следовало бы обменять имеющуюся у меня наличность на банковский чек, но какому банкиру из Нового Орлеана в условиях войны я мог доверить свои деньги? Да и времени у меня было совсем в обрез. Так или иначе, но на борту парохода я держал все мои деньги при себе.

Чтобы не утомлять читателя лишними подробностями, скажу сразу, что во время плавания ночью на нас обрушился ураган. Вечером накануне стояла ветреная погода, но ничто не предвещало опасности и приближения шторма. Я, как и остальные пассажиры, спокойно лег спать. После полуночи меня внезапно разбудил дикий вой и шум бури. Я успел лишь вскочить с постели, как в это мгновение невероятно сильный удар потряс корпус парохода, словно он на полном ходу врезался в скалы. Не устояв на ногах, я упал на палубу, а сверху на меня и еще на троих пассажиров, с которыми я делил каюту, с треском рухнула деревянная переборка. Разве нормальный человек в такую минуту способен думать о деньгах?! Смертельная опасность нависла над нами, медлить было нельзя, а искать в кромешной тьме и жуткой суматохе пиджак и бумажник мог разве что самоубийца. Я поспешил выбраться из-под обломков и выскочил наверх.

На палубе не было видно ни зги. Вокруг в кромешной тьме все трещало и скрипело. Шквальный ветер в один миг швыр-

нул меня на доски палубы, а огромная волна тут же окатила с ног до головы. Кажется, кто-то звал на помощь, но рев стихии заглушал все звуки. Под стрелами молний, рвавших небо в клочья, я все же увидел бурлящее море и полоску суши, темневшую где-то вдаль. В конце концов несчастный пароход носом уткнулся в скалы, а беснующиеся волны алчно набрасывались на корму, поднимая ее выше и выше. Я понимал, что пароход обречен; держаться на плаву он мог считанные секунды. Все шлюпки давно смыло за борт. Что же делать? Главное теперь — удержаться на воде!

Когда очередная вспышка молнии осветила палубу, на ней в ужасных позах корчились обезумевшие от страха люди, пытавшиеся уцепиться хотя бы за что-нибудь. Но я решил действовать иначе, доверившись стихии.

Очередной гигантский вал, зловеще светящийся в темноте флуоресцирующим блеском, вырос над нами и обрушился с такой силой, что пароход затрещал, готовый рассыпаться на мелкие части. Я ухватился за какой-то железный поручень, но тут же отпустил его под напором воды, которая подхватила меня, закружила, будто пушинку, а потом резко потянула на дно, чтобы вдруг снова вынести на поверхность. Сопrotивляться я и не пытался, зная, что любые усилия будут напрасны. Но как только я вместе с морем достиг суши, мне пришлось напрячься изо всех сил и не дать стихии унести меня обратно.

Те полминуты, которые я находился во власти разбушевавшегося моря, показались мне вечностью. В какой-то момент я вдруг оказался на самом гребне волны и почувствовал, что сейчас стихия зашвырнет меня куда-нибудь подальше. Так и случилось: волна буквально выплюнула меня. И я пролетел между скал, шлепнувшись в спокойную воду. Под «спокойной водой» я подразумевал лишь ее относительное спокойствие. Находясь в полном сознании, я изо всех сил работал руками и ногами, стараясь отплыть дальше вперед, прочь от скал. Хотя страшные волны и остались позади, ветер играл мной, как хотел. К счастью, я сумел заметить сушу. Если бы я не уви-

дел берега и поплыл бы в другую сторону, я непременно бы погиб. Ценой невероятных усилий мне в конце концов удалось добраться до суши. Но на этом мои злоключения не окончились. Все вокруг тонуло в кромешной тьме. Я не различал границы воды и суши и не мог обнаружить удобное место, где можно было бы выбраться на берег без риска для жизни. Силы оставляли меня, и я последним броском выбросил свое тело на камни. При этом я сильно ударился головой и, уже теряя сознание, все же заставил себя вскарабкаться по камням.

Позже, когда я пришел в себя, ураган продолжал свое безумие. Голова моя буквально раскалывалась от боли, но на такие пустяки не стоило обращать внимания. Самое главное, что я так и не понял, где оказался: на суше или на торчащей из моря скале. Впившись ногтями в мокрые, скользкие от водорослей камни, я боялся даже пошевелиться, ожидая, что буря сметет меня, как пушинку. Некоторое время спустя я заметил, что ветер стихает, а потом вдруг дождь прекратился, и надо мной на небесном полотне вдруг появились звезды.

В их неверном свете я осмотрелся и с облегчением заметил, что скала, где я лежал, оказалась частью берега. Если позади меня бушевали волны, то впереди темнели какие-то заросли. Я сполз с камней вниз и подкрался к ним. Кое-какие деревья выдержали натиск урагана, другие ветер вырвал с корнем, а некоторые даже унес на большое расстояние. Вдалеке я увидел огни и понял, что там находятся люди. Поднявшись, я из последних сил отправился им навстречу.

Вскоре я до них добрался и увидел ужасную картину: обездоленные жители растерянно стояли у своих разрушенных ураганом хибарок. У одной из хижин сорвало крышу. Мое внезапное появление стало для рыбаков, — а это были именно рыбаки, — очередным потрясением. Они уставились на меня, как на привидение. Море продолжало реветь, и мы вынуждены были кричать, чтобы слышать друг друга. Оказалось, что ураган загнал наше судно на один из островов Драй-Тортугас, расположенных на шельфе Мексиканского залива. Там

посреди воды стоял шестиугольный форт Джефферсон, в котором тогда временно содержались пленные конфедераты.

Рыбаки отнесли ко мне очень дружелюбно, дали сменную одежду, ибо все то, в чем я ложился спать на пароходе, превратилось в лохмотья. Потом кто-то подал громкий сигнал тревоги, и все разбрелись по берегу в поисках других потерпевших. К утру обнаружили шестнадцать человек, но спасти удалось только троих — остальные умерли от переохлаждения и от ран. Солнце осветило берег, усеянный обломками разбитого парохода. Его нос так и остался торчать между скал.

Итак, я стал жертвой кораблекрушения в полном смысле этого слова. У меня не осталось ничего! Все деньги буквально ушли на дно! Я сильно сожалел об утрате, но все-таки остался жив.

Комендант форта Джефферсон позаботился обо мне и трех других спасшихся пассажирах, выдав нам все необходимое. Потом он помог мне отплыть в Нью-Йорк, в котором я ощутил себя еще беднее, нежели в самое первое мое посещение. Я снова был гол как сокол и не имел ничего, кроме жажды жизни.

Почему я отправился в Нью-Йорк, а не в Сент-Луис, где жили мои знакомые и друзья и где я мог рассчитывать на бескорыстную помощь мистера Генри? Мог бы... Но я уже стольким был ему обязан, что просто не имел права злоупотреблять его добротой. Конечно, если бы я знал точно, что встречу там Виннету, я поступил бы иначе. Но такой уверенности у меня не было — ведь погоня за Сантером могла затянуться на месяцы, и я уже не знал, где его искать. Как бы там ни было, я обязательно должен повидаться с Виннету. Но прежде чем попасть в пуэбло на Рио-Пекос, мне необходимо было поправить свои дела.

Дальнейшие события доказали правильность моего выбора. Удача не покинула меня, и в Нью-Йорке я познакомился с неким мистером Джоси Тейлором, владельцем одного частного сыскного бюро, которому я и предложил свои услуги. При-

дирчиво расспросив меня и узнав, кто я и что я, он согласился взять меня стажером на испытательный срок, хотя и полагал, что в его деле от немцев мало проку. Очень скоро благодаря случайности, а не моей сообразительности я завоевал его полное доверие, возросшее до такой степени, что мистер Тейлор поручал мне самую ответственную и хорошо оплачиваемую работу.

Однажды он пригласил меня к себе в кабинет. Там сидел пожилой мужчина с весьма озабоченным лицом. Он представился банкиром Олертом и попросил у нас помощи в сугубо личном деле, оказавшемся насколько прискорбным, настолько и опасным.

Мистер Олерт имел единственного двадцатипятилетнего сына по имени Уильям, управлявшего банком наравне с отцом, когда-то женатым на немке. Этот Уильям, будучи типичным мечтателем, с гораздо большим удовольствием поглощал научную и художественную литературу, нежели бухгалтерские отчеты. Его привлекала карьера ученого, он даже писал стихи, которые публиковали в одной из нью-йоркских газет. А однажды молодому человеку в голову пришла навязчивая мысль написать драму, главным героем которой непременно должен был стать безумный поэт. Он настолько вжился в образ, что проштудировал массу книг, посвященных психическим расстройствам. Результат был ужасен: молодой Олерт все больше и больше отождествлял себя с героем драмы, пока сам не поверил в собственное безумие.

Совсем недавно его отец познакомился с доктором, который, говорят, собирался открыть лечебницу для душевнобольных. Этот странный врач утверждал, что долгое время работал ассистентом известных психиатров и так втерся в доверие к Олерту-старшему, что тот попросил его заняться лечением сына.

С того дня завязалась тесная дружба доктора и молодого Олерта, закончившаяся внезапным исчезновением обоих. Бедный банкир бросился наводить справки о психиатре и не без

удивления узнал, что тот известен как обыкновенный мошенник, которые тысячами наводнили Соединенные Штаты.

Тейлор осведомился, как звали лжедоктора, а когда в ответ услышал фамилию Гибсон, стало ясно, что речь шла о старом знакомце, с которым я уже встречался при других обстоятельствах. В конторе имелась даже его фотография, и когда я показал ее банкиру, тот сразу же узнал сомнительного друга и врача своего сына.

Этот Гибсон был чистой воды аферистом, долгое время промышлявшим на территории Соединенных Штатов и Мексики. Накануне вечером Олерт побывал у владельца комнаты Гибсона, от которого узнал, что мошенник полностью рассчитался за жилье и быстро испарился в неизвестном направлении. Сын банкира имел при себе крупную сумму денег, а сегодня пришла телеграмма из банка в Цинциннати с известием, что Уильям снял там со счета пять тысяч долларов, потом направился в Луисвилл, чтобы встретиться со своей невестой. Последнее, естественно, было откровенным враньем, ибо никакой невесты на самом деле не существовало.

Весьма вероятно, мнимый врач для того и увез своего пациента, чтобы обманом завладеть частью состояния Олертов. Уильяма Олерта прекрасно знали многие крупные финансисты, и Гибсон смекнул, что через сына банкира можно получить практически любую сумму. Предстояло быстро схватить мошенника, а больного вернуть домой. Решение этой задачи поручили мне. Получив все необходимые полномочия, указания и фотографию Уильяма Олерта, я отправился в Цинциннати. Гибсон знал меня в лицо, поэтому мне пришлось прихватить с собой кое-какую дополнительную одежду, чтобы не оказаться узанным при первой же встрече.

В Цинциннати мне удалось побеседовать с банкиром, который высылал телеграмму, и я выяснил, что Уильяма действительно сопровождал Гибсон. Не мешкая, я выехал в Луисвилл, где узнал, что оба беглеца купили билеты до Сент-Луиса. Я сно-

ва устремился в погоню, но на верный след напал только после долгих и кропотливых поисков.

Тут мне помог мистер Генри, которого я навестил тотчас по прибытии в город. Старик очень удивился, услышав, что я стал сыщиком, погоревал о моих деньгах, потерянных во время кораблекрушения, а под конец взял с меня твердое обещание, что я, покончив с этим делом, немедленно брошу работу ищейки и вернусь на Дикий Запад. Ему очень хотелось, чтобы я испытал его новый многозарядный штуцер, да и «медведебой», по его словам, давно заждался меня.

Между тем Олерт и Гибсон уплыли на пароходе вниз по Миссисипи до Нового Орлеана, и я последовал за ними. Старый банкир еще в Нью-Йорке дал мне список фирм, с которыми вел дела. В Луисвилле и Сент-Луисе я выяснил, что Уильям появлялся в местных банках, где снял со счетов приличные суммы. То же самое проделал он и в Новом Орлеане. Мне удалось связаться с остальными компаньонами старшего Олерта, к которым его сын еще не успел обратиться. Я попросил их немедленно сообщить мне, если молодой джентльмен заявится к ним за деньгами.

Это было все, что я сумел узнать. Мне оставалось лишь беспомощно дрейфовать в море людской толпы, запрудившей улицы Нового Орлеана, и ожидать сообщений полиции, куда я обратился в первый же день. Просто так сидеть в отеле мне не хотелось, поэтому я бродил по городу, надеясь на случай.

Новый Орлеан обладает типично южным характером, что особенно чувствуется в старой его части, где вдоль грязных, узких улочек лепятся друг к другу одинаковые домишки с крытыми пристройками и балкончиками. Сюда возвращается тот, кто боится дневного света. Здесь мелькают все цвета кожи, от желтого до черного. Шарманщики, бродячие певцы и гитаристы только усиливают весь тот шум и гам, который стоит здесь изо дня в день. Крепкие ругательства и женские крики обыденны здесь, как смена дня и ночи. Вот подвыпивший матрос таскает за косу вороватого китайца в угоду возбужденной толпе.

А вот яростно мутузят друг друга носильщики, не поделившие поклажу. Еще один их приятель пытается разнять неугомонных и, как всегда, получает сразу от обоих...

Благостное впечатление оставляют лишь предместья, застроенные красивыми особняками, окруженными розовыми кустами, пальмами, олеандрами, грушами, инжиром, персиковыми, апельсиновыми и лимонными деревьями. Кажется, только за этими стенами жители находят необходимое спокойствие, спрятавшись от городской суеты.

В порту, естественно, весьма оживленно — сюда приходят и отсюда уходят всевозможные суда. Причалы заставлены горами тюков хлопка и бочками, среди которых снуют портовые грузчики. На первый взгляд может показаться, что ты на хлопковом рынке в Ост-Индии.

Я бесцельно бродил по городу, напрасно озираясь по сторонам. К полудню стало невыносимо жарко. Проходя по широкой главной улице города, я очень кстати заметил рекламную вывеску какой-то немецкой пивной и заглянул внутрь.

Судя по толпе жаждущих посетителей, сорт этого пива пользовался немалым успехом. После длительных поисков я наконец обнаружил свободный стул где-то в дальнем углу. Рядом стоял небольшой столик на двоих, за которым одно место занимал человек с такой выразительной внешностью, что никто, похоже, не решался сесть с ним рядом. Однако меня его вид не очень смутил. Я подошел к нему и спросил, не позволит ли он выпить кружку пива в его компании.

Посетитель снисходительно улыбнулся, окинул меня изучающим взглядом и спросил:

- Деньги-то у вас есть, мистер?
- Конечно, — удивился я такому вопросу.
- Значит, сможете заплатить за пиво и за место?
- Полагаю, да.

— Ну, тогда к чему спрашивать моего разрешения? Сразу видно, что вы из пришлых голландцев. Гринхорн, одним словом! Черт бы побрал того, кто рискнет запретить сесть, куда

мне вздумается! Причаливайте сюда, кладите ноги куда хотите, а если кто сделает вам замечание, отвесьте ему затрещину!

Признаюсь честно, в тот момент поведение этого человека мне чем-то imponировало. Мне кажется, я даже немного покраснел. И все же я хорошо понимал, что обязательно должен отреагировать на его почти оскорбительный, покровительственный тон. Усаживаясь на место, я сказал:

— Если вы имели в виду, что я немецких кровей, то попали в точку. Но не рекомендую вам называть меня голландцем, иначе мне придется доказать вам, что я далеко не гринхорн! Вообще-то, и старому волку не мешает быть учтивым!

— Хе! — выдавил он из себя равнодушно. — Про вас не скажешь, что вы прошли огонь и воду. Не надо пар пускать, ни к чему это. Я и не думал оскорбить вас. Не понимаю, чего вы добиваетесь. Олд Дэт никогда не поддается на угрозы.

Олд Дэт! Этим человеком был Олд Дэт! Я не раз слышал об этом знаменитом вестмене. Его слава гремела по ту сторону Миссисипи, о нем ходили легенды на всех стоянках и у всех лагерных костров, его имя было известно даже в городах на Востоке. И если в том, что о нем рассказывали, содержалась хотя бы толика правды, он был непревзойденным стрелком и отчаянным искателем приключений, достойным того, чтобы снять перед ним шляпу. Срок жизни целого поколения провел он на Диком Западе и, несмотря на грозившую отовсюду опасность, даже не был ранен. Многие поговаривали, что его не берут пули.

Как его звали на самом деле, никто не знал. Олд Дэт, или Старина Смерть, стало его боевым прозвищем, которое он получил за страшную, невероятную худобу. Огромного роста и сутулый, он действительно выглядел ужасно: кожа да кости. Скроенные из грубого сукна охотничьи штаны болтались вокруг жилистых ног. Старая кожаная охотничья куртка за годы явно уменьшилась в размерах, и теперь из ее рукавов, едва прикрывавших предплечья, торчали тощие, как у скелета, руки.

Длинная гусиная шея с огромным кадыком высовывалась из ворота куртки, а венчала ее голова, на которой, казалось, не наберется и пяти лотов¹ мяса. Его необыкновенно острые глаза терялись в глубоких глазницах. Лысый череп, невероятно ввалившиеся щеки, квадратные челюсти, выдающиеся скулы и вздернутый нос без переносицы завершали картину. И запах, этот чертовский запах затхлости и старости... Впечатление, скажу я, неподражаемое! У меня даже пропали аппетит и подступающая жажда.

Его длинные ноги были облачены в нелепые, сшитые из одного куска лошадиной кожи футляры, к которым он приторочил гигантские шпоры с колесиками из серебряных мексиканских песо.

¹ Лот — устаревшая мера веса, равная 12,8 г.

Рядом с ним лежало седло с полной конской сбруей, а сверху на него опиралась длиннющая двустволка «кентукки». Из тех, что сегодня почти не встретишь, ибо такие ружья давно уступили место винтовкам, заряжающимся с казенной части ствола. При нем находились нож Боуи¹ и два больших револьвера, торчавших из-за пояса. О поясе этом стоит сказать особо. Он представлял собой длинный скрученный лоскут кожи, напоминающий большой кошель, в который были вплетены настоящие скальпы, позаимствованные им с голов краснокожих.

Между тем хозяин принес заказанное пиво. Только я успел поднести кружку к губам, как Олд Дэт произнес:

— Стоп, не так быстро, парень! Сначала чокнитесь со мной. Слышал я, что на вашей родине есть такой обычай.

— Да, но так поступают только добрые знакомые, — ответил я, не собираясь принимать предложение.

— На кой ляд эти церемонии? Мы сидим здесь вдвоем, ни один не собирается вредить другому. Давайте чокнемся! Я не шпион и не мошенник, и вы можете смело провести полчаса в моем обществе.

В этот момент его голос звучал более дружелюбно, чем прежде. Я слегка тронул его кружку своей и сказал:

— Я знаю, что вы за человек, мистер! Если вы на самом деле Олд Дэт, то о дурной компании и речи быть не может.

— Похоже, вы обо мне слышали? Ну тогда нет нужды расписывать, кто я и что я. Лучше поговорим о вас. Скажите правду, какого дьявола вас занесло в Штаты?

— Какого? Как и многих других, меня занесло в поисках счастья.

— Охотно верю. Там, в Европе, полагают, что стоит здесь только пошире держать карман, и звонкие доллары сами в него посыплются. Если повезет какому-нибудь идиоту, то газеты

¹ *Нож Боуи* — тяжелый охотничий нож с одной режущей кромкой и лезвием от 22 до 37 см. Изобретение полковника Джеймса Боуи, одного из погибших героев битвы за форт Аламо (1836), когда горстка техасцев пыталась отразить нападение многочисленного отряда мексиканцев.

— Стоп, не так быстро, парень! Сначала чокнитесь со мной.

кричат об этом на каждом углу, а об остальных, что тысячами тонут, гибнут и пропадают без следа, — ни слова! Нашли вы свое счастье или хотя бы напали на его след?

— Думаю, что попал.

— Вот как! Тогда не мешкайте, а то потеряете его. Я на своей шкуре испытал, как легко сбиться со следа. Вы наверняка слышали, что я был скаутом и могу потягаться с любым вестменом, но и я вот уже какой год гоняюсь за счастьем. Сколько раз казалось, что до него рукой подать, но оно всегда ускользало от меня и исчезало, словно воздушный замок, существующий только в человеческом воображении.

Он умолк, мрачным взглядом окинув пространство. Я тоже замолчал. Олд Дэт покосился на меня и пояснил:

— Вам не понять меня. Дело в том, что встреча с европейцем всегда будоражит меня, в особенности если это немец. Моя мать тоже была немкой, так что, если вам приспичит, можем говорить по-немецки. Она души во мне не чаяла и, когда покинула этот мир, вознесла меня на ту вершину, с которой уже проглядывало счастье. Вы, наверное, поняли, что я имею в виду наследство. Я же посчитал себя умнее других, за что и поплатился. Вот вам мой главный совет, мистер: будьте благоразумнее! Глядя на вас, могу с уверенностью утверждать, что с вами может приключиться то же, что и со мной.

— Что вы имеете в виду?

— Вы слишком благовоспитанны, от вас буквально веет какой-то «положительностью». Любого краснокожего хватит удар от вашего вида! На костюмчике вашем ни пятнышка, ни пылинки. Нет, люди с такой внешностью не ищут счастья на Западе.

— А я и не собираюсь его здесь искать.

— Да? Тогда скажите мне, кто же вы по профессии.

— Образование у меня хорошее, — уклончиво ответил я.

Олд Дэт взглянул на меня с легкой улыбкой, превратившейся на его уродливом лице в издевательскую гримасу, после чего произнес:

— Образование! Да вы конченный человек! Не тешьте себя надеждами. Удача не сопутствует таким, как вы. Я сам испытал это на собственной шкуре. Вы работаете?

— Да, в Нью-Йорке.

— И кем же?

Старый вестмен задавал вопросы таким властным тоном, что не ответить на них было просто невозможно. Разумеется, говорить правду я не имел права, да и не собирался, поэтому пришлось ответить уклончиво:

— Служу у одного нью-йоркского банкира. Здесь я по его поручению.

— На службе у банкира? Хм, вы прекрасно устроились, и жить вам, похоже, будет гораздо легче, чем мне. Только не бросайте это место, мистер! Не каждому выпускнику университета удастся найти место у американского толстосума. А вообще, я крайне удивлен доверием вашего шефа. Послать такого молодца из Нью-Йорка сюда, на Юг... Такое возможно только с человеком, на которого можно положиться. Рад, что не ошибся на ваш счет. Итак, значит, вам доверили некое дело, связанное с финансами...

— Возможно, — ответил я уклончиво, про себя удивляясь его прозорливости.

Олд Дэт бросил на меня быстрый, но очень пронизательный взгляд, скорчил гримасу, похожую на улыбку, и сказал:

— Кажется, я догадываюсь об истинной причине вашего появления здесь.

— Сомневаюсь.

— Вы самоуверенны, но это даже неплохо. Однако хочу дать вам добрый совет: ведите себя сдержанней и не вертите каждую минуту головой. Не успели войти, как сразу внимательно осмотрели всех посетителей, а сейчас то и дело пялитесь в окно, изучая прохожих. Ищите кого-то?

— Все верно, мистер. Да, мне нужно встретиться с одним человеком, но я не знаю его адреса.

Май К.

М 14 Виннету. Друг индейцев : роман / Карл Май ; пер. с нем. М. Курушина ; ил. З. Буриана. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 512 с. : ил.

ISBN 978-5-389-20058-6

Карл Май — автор книг о приключениях на Диком Западе бесстрашного вестмена Олд Шеттерхэнда и его верного друга, молодого вождя апачей Виннету. Многочисленные экранизации и переиздания этих произведений в XX веке подтвердили неувядающий интерес читателей и зрителей к этим блестящим образцам приключенческой литературы.

В настоящее издание вошел второй роман о приключениях Виннету и Олд Шеттерхэнда. На этот раз действие романа разворачивается в самой южной части Америки — на мексиканской границе во времена Гражданской войны, где среди знойных пустынь и кровожадных индейцев Олд Шеттерхэнд и Виннету преследуют своих заклятых врагов.

Впервые в России текст романа сопровождается великолепными иллюстрациями Зденека Буриана!

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44

Литературно-художественное издание

КАРЛ МАЙ
ВИННЕТУ. ДРУГ ИНДЕЙЦЕВ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Римма Тахтаракова, Татьяна Бородулина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 05.10.2021. Формат издания 70 × 100 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 41,28.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в типографии «ПНБ ПРИНТ» (SIA «PNB Print»)
«Янсили», Силакрогс, Ропажский район, Латвия, ЛВ-2133
www.pnbprint.eu

У-ВНК-28842-01-R